

Е.В. Сундуева

*Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств,
Улан-Удэ*

**Реализация признака ‘пестрый’
в монгольских названиях насекомых и растений»
(на материале корней с согласным [r])**

Аннотация: В статье с позиции фоносемантики рассматриваются названия некоторых насекомых и растений, возникшие в результате вербализации их зрительного восприятия, ведущего к внутреннему дискомфорту. Анализ показал, что переднеязычный дрожащий сонант [r] служит для передачи идеи пестрящего, мельтешащего множества.

The article from position of phonosemantics examines names of some insects and plants of Mongolian languages, which appeared in result of verbalization of visual perception. The author reveals that the tremulous sonant [r] in stems reflects the idea of motley, glimpsing multitude. As a rule, it leads to inner discomfort.

Ключевые слова: фоносемантика, монгольские языки, корневая морфема, дрожащий сонант, восприятие, образ, ментальность, познание.

Phonosemantics, Mongolian languages, root morpheme, tremulous sonant, visual perception, image, mentality, cognition.

УДК: 811.

Контактная информация: Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1. СВГАКИ, кафедра иностранных языков и общей лингвистики. Тел. (3012) 437068. E-mail: sundueva@mail.ru.

Признаки ‘пестрый; мелькающий’ в современных монгольских языках реализуются в прилагательном п.-мо. *eriyeu*, мо. *эрээн*, бур. *Эрээн / эригэр*, калм. *эрэ*, ойр. *эрэ* ‘пестрота; пестрый, пегий’, которое часто функционирует в паре с прилагательным п.-мо. *miriyen / mirayan*, мо. *мирээн / мяраан*, бур. *марьяан* ‘пестрый, разноцветный’ (мо. *эрээн мяраан*, бур. *эрэ марьяан*, орд. *erēn terēn* ‘пестрый, цветастый’).

Развитие данных признаков в корнях **er/mir*, очевидно, обусловлено акустико-артикуляционными характеристиками переднеязычного дрожащего сонанта [r], в данном случае служащего для передачи прерывисто-кратного движения света, осложняющего или нарушающего зрительное восприятие. Так, корень **ir/irb* передает резкую боль в глазах от яркого света: п.-мо. *irya-*, мо. *ярга-*, бур. *ирга-* ‘резать, колоть (о боли в глазах)’, п.-мо. *iralj-*, мо. *яралз-*, калм. *ярлз-*, ойр. Синьцз. *йаралза-* ‘рябить, переливаться; сверкать, блестеть’. Корни **sar/čar* также соотносятся с яркой, ослепительной вспышкой света: п.-мо. *čargi-*, мо. *царги-* ‘слепнуть (от блеска снега)’, бур. *харга-* ‘слепить глаза (о солнечных лучах)’. В данных примерах отражен верхний абсолютный порог ощущений, когда интенсивность стимула влечет за собой изменение модальности ощущения: очень яркий свет, воспринимаемый нервными окончаниями сетчатки глаз, вызывает болевые ощущения, сопровождаемые внутренним дрожанием и вызывающие дискомфорт. Сетчатка, не успев адаптироваться ко всем спектрам света, посылает сигнал

в мозг, а мозг, обработав сигнал, посылает команду круговым мышцам глаз, и человек начинает шуриться.

Бур. *эрбэ-эрбэ*, п.-мо. *erbelf-*, мо. *эрвэлз-*, калм. *эрвлз-* ‘порхать; развеваться, мелькать’. Ср. нан. *эриэл-эриэл* ‘мельтеша, мелькая’, *эрумсэк* ‘промелькнуть’ [Киле, 1973, с. 189], эвенк. *нэрэннэ-* ‘порхать, махать крыльями’, эвен. *нэрък-* ‘махать, хлопать, ударять крыльями’ [ССТМЯ, 1975, с. 625]. Быстрое, прерывисто-кратное движение крыльев насекомых, их легкое мелькание, мельтешение стало основой для появления энтомонима п.-мо. *erbekei*, мо. *эрвээхий*, бур. *эрбээхэй*, калм. *эрвакэ*, ойр. *эрваакэа*, орд. *erwēki*, дунс. *Нэбэү ай*, монгор. *xerbuge* ‘бабочка’, образованного с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-kei* от изобразительного корня **erb*. Ср. нег. *гург:чб* ‘бабочка’, ульч. *гургуну* ‘бабочка’; эвенк. *лургавкб* ‘стрекоза’; *лорукб* ‘бабочка’, *лоруткән* ‘мотылек’ [ССТМЯ, 1975, с. 174, 500, 505], якут. *үрүмэччи* ‘бабочка, мотылек’.

Корни **terb/yerkl/yorq/gür/kür* дали названия следующих насекомых: п.-мо. *terbegekei*, мо. *мэрвээхэй* ‘перговая моль’; п.-мо. *yerkei / yorqui*, мо. *ерхэй / ёрхой* ‘пяденица’; п.-мо. *gürelji / güreljegen-e / küreljegen-e*, мо. *гүрэлж / гүрэлзгэнэ / хүрэлзгэнэ* ‘серая кобылка, сверчок’. Ср. «ма. *Гуржэн / гурэлжи* (название сверчка), *гэргэн* ‘кузнечик (зеленая кобылка с большим брюхом)’» [ССТМЯ, 1975, с. 174, 181], а также рус. *сверч-ок*.

П.-мо. *širyulji*, мо. *шоргоолж*, бур. *шоргоолжон*, калм. *шорһлжн*, ойр. *шорһолжн*, орд. *šurGulǰǰ, šurGülǰǰ, šorGolǰǰ*, даг. *suaigālǰǰ, suajhaleǰǰ*, монгор. *šorGoǰǰn* ‘муравей’ восходит к корню **širq/šir/ir* ‘нечто кишашее, мелькающее (во множестве)’: бур. *ира-ира* ‘кишмя кишеть, мелькать’, *ирагар* ‘пестрящий; мелькающий’, *тирагар* – говорится о множестве отдельных и одинаковых предметов (например, о стогах сена, кольцах на пальцах и пр.). Ср. нан. *морил-л* ‘киша, извинаясь (о большой массе змей, червей и пр.)’ [Киле, 1972, с. 137]. Н.Н. Поппе производит лексему от глагольной основы **širyu-* ‘пролезать, проникать; проскользнуть’ [Поппе, 1981, р. 387], которая, скорее, возникла на основе слухового восприятия. Звук шуршания (*и-р-р*) прослеживается в п.-мо. *šörge-*, мо. *шөрг-*, бур. *шүргөө-* ‘чесать, тереть обо что-л. (о скоте)’; п.-мо. *šürge-*, мо. *шүргэ-* ‘касаться, задевать что-л.’, калм. *шүрг-*, ойр. *шүрге-* ‘тереть; сметать; слегка задеть’; п.-мо. *šur*, мо. *шур-шур хий-* ‘шелестеть’, *шур хий-* ‘пронестись; прошмыгнуть’; бур. *шуршагана-* ‘скрестись (о мышах)’, калм. *шуржнн-* ‘идти, не задерживаясь; шелестеть (о платье)’ и др.

На алтайском уровне лексема *širyulji* сопоставляется с Птунг. **sura (sora)* ‘блоха; откладывать яйца в носовой полости оленя; шмель; мушиный помет, яйца насекомых; пыльца’, Пкор. **si r-* ‘класть яйца (о насекомых или рыбах)’ [EDAL 1297]. Тот же мотив номинации, по всей видимости, заложен в слове п.-мо. *širke*, мо. *ширх*, бур. *шэрхэ*, орд. *širxe* ‘вошь скота, власоед’, для которого А.В. Дыбо приводит внешние параллели: «тюрк. **sirkä* ‘гниды; личинки насекомых’, т.-ма. **su:ra* ‘блоха’, кор. **hja* ‘гнида’, яп. *sírámù* ‘вошь’» [СИГТЯ, 2001, с. 182].

Следует отметить, что в тюркских языках для именованья муравья используется лексема *қарынжа* ‘муравей; клещ’, этимологию которой К. Брокельман связывает с *qarın* ‘живот’ и уменьшительным аффиксом *-ča*, т. е. *qarınča* ‘животик’ (из-за сходства по внешнему виду) [ЭСТЯ, 1997, с. 323]. Если принять во внимание способность корней с гуттуральными *[q/k]* передавать световые явления, можно допустить, что в тюрк. *қарынжа* действовал тот же принцип номинации, что и в монгольских языках. Ср. также в т.-ма. языках: эвенк. *вриктэ* ‘муравей’, *јаракта* ‘муравей (лесной, большой)’, эвен. *һбрит*, нег. *вктэ*, ороч. *вктэ*, орок. *сируктэ*, нан. *силуктэ*, ма. *јэрхувэ, јерхувэн* ‘муравей’ [ССТМЯ, 1975, с. 325].

Н.В. Брагинская в качестве потенциально родственных для греч. *Μυρμιδόνες* – именованья воинов-спутников Ахилла в «Илиаде» Гомера – приводит *μύριος* ‘огромный, несчетный’, *μύρμιοι* и *μύρμικες* в двух значениях ‘муравьи’ и

‘подводные скалы, кипящие бурунами’. Кроме того, *и́брийкес* обозначает ‘психическое и физическое беспокойство’, ‘дрожь, зуд, обмирение, обморок от холода и испуга’ и ‘вообще всякого рода мурашки’. В качестве общего дифференциального признака для ‘муравьев’ к ‘мурашек’ автор выделяет ‘несчетное кишашее, самодвижущееся множество’ [Брагинская, 1993, с. 242].

В данном контексте можно предположить, что образ бесчисленного множества заложен и в п.-мо. *čereg*, мо. *цэрэг*, бур. *сэрэг*, калм. *цeрг*, ойр. *цeрег* ‘войско, армия; воин, солдат’; п.-мо. *ǰirad*, мо. *ǰард* ‘телохранители, лейб-гвардия’ < ‘не-что, расположенное рядами, шеренгами’. Ср. п.-мо. *ǰiriger*, мо. *ǰиргэр*, бур. *ǰэ-рэгэр*, калм. *ǰирһр* ‘стоящий рядами; стройный’, калм. *ǰири-*, ойр. *йараа-* ‘стоять в ряд; колыгаться’, *ǰирс ǰирс хий-* ‘мелькать, рябить’ (о чем-либо ровном, узком). Результатом дальнейшей абстракции образа стали п.-мо. *ǰerge*, мо. *зэрэг*, бур. *зэргэ*, калм. *зeрг*, ойр. *зeрге* ‘ряд, уровень; звание’; п.-мо. *širkeg*, п.-мо. *ширхэг* ‘штука, экземпляр’. В тюркских языках распространены формы кирг., сюг. *ǰерге*, тув. *чeрге*, карак., кум. *йeрге*, як. *серге* ‘ряд; черед; степень’. «М. Ряснен допускал, что *järgä* может иметь один первоисточник с монгольской параллелью, но не исключал вслед за Г. Рамstedтом заимствованного характера тюрк. слова < монг. *ǰerge* ‘звание’. Монгольским заимствованием считает *ǰэргэ* ~ *йeрге* и т.д. Г. Дерфер» [цит. по: ЭСТЯ, 1989, с. 25].

Выбор корня **borq* в энтониме п.-мо. *borɣuɣusu*, мо. *боргуус*, бур. *боргооһон* ‘комары’, ал., эхир., бохан. *боргоодоһон* ‘мошка, мошкара’, по всей видимости, связан с тем, что мошкаре свойственно, как дым, клубиться в воздухе, образуя трепещущие рои. Ср. ойр. *бурǰиңна-* ‘многократно двигаться, кишеть (о насекомых)’; п.-мо. *birsayar*, мо. *бирсагар* ‘очень много; тьма, туча рой (например, пчел)’. В т.-ма. языках: орок. *горги-* ‘кишеть, копошиться’ [ССТМЯ, 1975, с. 161], эвен. *пороховай* ‘гнус, мошка’ [ССТМЯ, 1977, с. 41]. При этом не исключена и роль слухового восприятия, о чем свидетельствует звукоподражание в нанайском языке: «*хор-р* ‘жужжать (о рое, мух, комаров)’» [Киле, 1972, с. 175].

Следует отметить, что корни **er/or* также могут передавать мелькание чего-л. при различной частоте вращения: п.-мо. *ergi-*, мо. *эргэ-*, бур. *эрье-*, калм. *эрг-*, ойр. *эрге-* ‘кружиться, вращаться’; п.-мо. *er-*, мо. *эр-* ‘закручивать; искать (т.е. ходить кругами)’ (ср. рус. *верт-еть, верет-ено*); п.-мо. *orči-*, мо. *орчи-* ‘вращаться, кружиться’; п.-мо. *oriya-*, мо. *ороо-*, бур. *орёо-*, калм. *ора-*, ойр. *ораа-* ‘обвертывать, заворачивать; закрутить’. В этой связи можно предположить, что в п.-мо. *erike*, мо. *эрих*, бур. *эрхи*, калм. *эркн*, ойр. *эркен* ‘четки’ заложено вращательное движение бусин с целью подсчета числа произнесенных молитв, успокоения и др. Ср. эвен. *керукэн* ‘юла, волчок’, *керулдэн* ‘кружиться; вертеться’; эвенк. *хорги-* ‘вращаться, вертеться’; эвен. *мэрэкин-* ‘вращаться вокруг своей оси’, *мърьлдин-* ‘кружиться, виться’ [ССТМЯ, 1975, с. 437, 471, 559], эвен. *оракин-* ‘мелькать’ [ССТМЯ, 1977, с. 23].

Корень **mir* прослеживается в п.-мо. *miralǰa-*, мо. *миралз-* ‘сверкать, блестять; течь сверкая (о реке)’, бур. *миралза-*, ойр. *миралза-* ‘переливаться, рябить’. В т.-ма. языках: эвенк. *мэрвктэ-* ‘рябить в глазах’, *мэрвлэмэ* ‘пестрый, пегий’, эвен. *мэргүй-* ‘пестреть’, *мйргүйтй* ‘пестрый, рябой’, ма. *мэрсэңгэ* ‘пестрый, веснушчатый’ [ССТМЯ, 1975, с. 571–572]. Ср. также протояп. **mirá* ‘пятно, пятнистый’ [EDAL 915]. Признак ‘пестрый’ прослеживается в п.-мо. *marsayar / tarčiyar / tarṡayar*, мо. *марсгар / марчгар / мармагар* ‘покрытый рубцами, рябой’. Корень **tar* дал калм. *маралǰн*, ойр. *мараалǰин* ‘ковер, палас (без ворса)’. С помощью лексико-семантического способа возник географический термин *марьян*, которым обозначают «южные, на солнцепеке, склоне гор, занятые своеобразной растительностью без леса <...>. Маренный ландшафт имеет *пестрый* (курсив наш – Е.С.) фон от перемежающихся участков: степных на выпуклых, крутых склонах и лесных по распадкам, несколько затененным пологим склонам южной экспозиции» [Мельхеев, 1969, с. 94]. В п.-мо. *tar-a*, мо. *мараа* ‘солончак’, тунк.

мараан ‘солонцы’; п.-мо. *тагја*, мо. *марз*, калм. *марц*, ойр. *марца* ‘соленая почва, солончак’, бур. *марса* ‘искусственные солонцы (для привлечения изюбров, косулы и пр.)’ в качестве мотива номинации также выступает цветовая характеристика объекта. Ср. «эвенк. *н'араткан* ‘солонец’» [ССТМЯ, 1975, с. 635].

Многие рыбы, как и насекомые, обладают хорошо отражающими свет поверхностями, в этом случае отражение является результатом интерференции световых волн на тонких пленках. Несметное множество переливающихся на солнце маленьких рыбок, вызывающих рябь в глазах, отражено в п.-мо. *јирајагаи*, мо. *жараахай*, бур. *жараахай* ‘мальки; мелкая рыбешка’; п.-мо. *јирагагаи*, мо. *жарамгай*, калм. *жирмэхэ*, ойр. *жирмэхэхэ* ‘молодь, малек’; п.-мо. *јарта-а јијасу*, мо. *зарам загас* ‘мелкие рыбы, мальки’; п.-мо. *qarbaγ-a*, мо. *харваа* ‘малек’; п.-мо. *ere*, мо. *эрээ* ‘стая рыб’. Ср. нан. «*пари-пари* ‘сплошной массой (о большом косяке рыбы)’» [Киле, 1972, с. 145], эвенк. *ирбэ-* ‘метать икру, нереститься’, нан. *хурбэ-* ‘метать икру (о частичковых рыбах)’ [ССТМЯ, 1975, с. 324].

В п.-мо. *јирγ-а*, мо. *жарга* ‘нельма, сиг сибирский’ (ср. п.-мо. *ирγ-а*, мо. *ярга* ‘нельма’; п.-мо. *ирγай*, мо. *яргай* ‘горбуша’; п.-мо. *орит*, мо. *орим* ‘род налима’) выбор производящей основы обусловлен тем, что нельма обладает крупной серебристой чешуей, благодаря которой рыба переливается и сверкает на солнце. В.И. Рассадин рассматривает *јирγа в качестве гипотетической основы для п.-мо. *јијасун* ‘рыба’, опираясь на то, что аффикс *-sun* иногда придавал новым словам обобщающее абстрагирующее значение, как например, *адурγун* ‘табунная лошадь; табун’ > *адурγусун* ‘животное’; на то, что перед другими сонорными сонорные часто выпадают и, наконец, на наличие старописьменных форм *јиγад* ‘рыбы’, *јиγачин* ‘рыбак’ наряду с *јијасучин*. По предположению автора, формы *јијасун*, *јирајагаи* образованы от некоего слова с конкретным значением, а именно от *јирγа ‘нельма’ [Рассадин, 2006, с. 11–12].

В результате вербализации зрительного восприятия световых явлений появились названия некоторых растений. В основе п.-мо. *ирγуй*, мо. *яргуй*, бур. *ургы* ‘подснежник; прострел’ лежит признак ‘нечто блестящее, поблескивающее’, поскольку весь подснежник, включая околоцветники, покрыт густыми серебристыми волосками. От данного фитонима с помощью суффикса *-жин* образован другой – *яргуйжин* ‘ветреница нарцисовидная’. По всей видимости, тот же признак стал мотивирующим в фитониме п.-мо. *ирбег*, мо. *ирвэг* ‘богородская трава’. Название кустарника п.-мо. *ирγай*, мо. *яргай*, бур. *яргай*, калм. *ярһа*, ойр. *йарһаа* ‘кизил’, возможно, связано с тем, что он обладает блестящими листьями и плодами. В Тунгусо-маньчжурском словаре фитоним сопоставляется с нан. *јаргиқта* ‘название дерева’ [ССТМЯ, 1975, с. 343].

П.-мо. *јирег*, мо. *ширэг*, ойр. *ширег* ‘трава, зеленый луг’; п.-мо. *јерт-е*, мо. *зэрэм* ‘трава, растущая рядом с бурьяном’, вероятно, заложен тот же мотивационный признак ‘нечто блестящее, переливающееся’. Типологическое сходство в именовании травы наблюдается в рус. *мурава* ‘сочная луговая трава, дерн’, *мурог* ‘сенокос, луг, дерн’, *мурога* ‘редкое, нежное зеленое сено’, сербохорв. *мур^оава* ‘вид водоросли’ и др. Ср. также сол. *мургил* ‘ярица (яровое поле)’ [ССТМЯ, 1975, с. 558].

Образ мельтешащего, мелькающего множества дал ряд названий ягод: п.-мо. *пэрсү*, мо. *нэрс*, бур. *нэрһэн*, калм. *нерх*, ойр. *нерехе* ‘голубика’; п.-мо. *пүр*, мо. *нүр* ‘черника’; ср. п.-мо. *пöриге*, мо. *нөрөө*, бур. *нүрөө* ‘рябины на лице (от оспы)’ от *нөр-нөр гэ-* ‘рябить, пестрить’; п.-мо. *бүрилгене*, мо. *бүрэлгэнэ* ‘калина’; п.-мо. *бүрилjegene*, мо. *бүрэлгэнэ* ‘калина (плод)’, ср. п.-мо. *бүрелҗ-*, мо. *бүрэлз-* ‘темнеть; рябить, мелькать; мерцать’. Схожий мотив номинации наблюдается в рус. *рябина*.

Зафиксированные в тюркских языках тат. *börlegän* ‘ежевика’, башк. *böðögön* ‘ежевика’, чув. *përlëxen* ‘костяника; сыпь (на теле)’ Э.Р. Тенишев считает образованными с помощью аффикса *-gen* от глагола **börle-*, значение которого неизвестно [СИГТЯ, 2001, с. 140]. Последнее значение чувашской формы ‘сыпь на

теле' отчетливо контаминирует со многими монгольскими формами: *марчгар* 'рябой' (отсюда *марсирган-а*, мо. *марцаргана* 'постенница'), *нөрөө* 'рябины на лице' и др. Ср. ма. *кэркэнэ* 'покрываться рябинами (о лице после оспы)', *кэркэри* 'рябины (на лице после оспы)'; эвенк. *муруктэ* 'оспина' [ССТМЯ, 1975, с. 453, 559]. В т.-ма. языках также представлено название ягоды: эвенк. *мороңо* / *бороңго* 'морозка', нен. *мараңга* 'морозка' [ССТМЯ, 1975, с. 547]. Примечательно, что в рус. *морозка* М. Фасмер видит финно-угорское происхождение: фин. *tuurain*, манси *morax*, *morex*, ханты *mürəx*, *morəjk*, коми *mij*, нен. *maraja*, нганас. *mura ka*, энецк. *maragga* [Фасмер, 1971, с. 658].

К корню *bur восходит п.-мо. *burčay*, мо. *буурцаг* 'горох, бобы', бур. *буурсаг* 'семя, плод', калм. *бурчг*, ойр. *бурцаг* 'дробь (для ружья); горох'; п.-мо. *burčayai*, мо. *буурцагй* 'стручок'; п.-мо. *burčayан-а*, мо. *буурцагана* 'соя (желтая)'. Ср. парн. *эрс буурцаг* 'фасоль; мелкий горох'. Тюрк. *бурчақ* 'горох; кукуруза; град; крупные капли пота', по мнению Э.В. Севортыяна, является производным от глагола *бур-* 'вить; сгибаться', образованным с помощью аф. *-чақ* с обычным кругом значений – орудий / средства, субъекта действия и т.д. С указанными значениями глагола *бур-* согласуется представление о семействе бобовых как о вьющихся растениях. <...> К. Брокельман видел в *burčaq* производное с уменьшительным аф. *-čaq*, но не называл производящей основы [цит. по: ЭСТЯ, 1978, с. 175–176].

Тюрк. *бүртүк* / *бүрчүк* 'зерно; хлеб; маленький кусок, крупинка; прыщ' Э.В. Севортыян рассматривает как производное, образовавшееся посредством аффикса *-(а)қ* от глагола **бүрт-* 'отрываться; отпадать (о кусочках, частицах)', как о том позволяет судить производное *bürt-mük* 'кусочки, отрывающиеся от мягких предметов' [ЭСТЯ, 1978, с. 300–301]. Сол. *борчо* 'бобы' рассматривается как монголизм [ССТМЯ, 1975, с. 97], чего, на наш взгляд, нельзя утверждать относительно «ма. *лархун* 'горох (дикий мышиный); стручок» [ССТМЯ, 1975, с. 494]. Корень *jart п.-мо. *јарт-а*, мо. *зарам* 'отруби (из рисовой крупы), мучные высевики', на наш взгляд, можно сопоставить с корнем *zern в рус. *зерно*, укр. *зерно*, др.-русск. *зьрно*, ст.-слав. *зьрно*, болг. *зьрно*, сербохорв. *зрно*, словен. *zrno*, чеш., слвц. *zrno*, польск. *ziarno*, в.-луж. *zorno*, н.-луж. *zerno*, родственно лит. *zirnīs* 'горошина', лтш. *zirns*, др.-прусск. *syrne* 'зерно' [Фасмер, 1971, с. 95–96].

К мелким, округлым предметам, обладающим гладкой поверхностью и отражающим свет, можно отнести эвенк. *јари* 'бусина (крупная); бусы' [ССТМЯ, 1975, с. 343], ма. *ори* 'бусы, ожерелье' [ССТМЯ, 1977, с. 23]. От корня *qorq образованы п.-мо. *qorqul*, мо. *хоргол*, бур. *хоргодон*, калм. *хорһси*, ойр. *хорһосон* 'помет (овец, коз, верблюдов); орехообразный навоз домашних животных, катыш помета'; п.-мо. *qorkinaу*, мо. *хорхиног* 'горошек'.

Таким образом, в монгольских языках для передачи идеи мелькания несчетного множества используются следующие корни: **mar/jar*, **er/yer/čer/mer/ner*, **yor/qor/bor/bur*, **bür/gür/kür/nür*, **ir/mir/šir/jir*. В первую очередь они передают зрительное восприятие мелких, как правило, округлых предметов, обладающих гладкой поверхностью, отражающей свет. На примере рассмотренных ботанических терминов мы убедились, что фоносемантический анализ доказывает способность дрожащего сонанта [r] отражать глубокую семантическую эволюцию и позволяет с достаточной долей последовательности реконструировать прамонгольскую картину языкового состояния.

Литература

- Брагинская Н.В. Кто такие мирмидонцы? // От мифа к литературе. М., 1993. С. 231–256.
Киле Н.Б. Образные слова нанайского языка. Л., 1973.

- Мельхеев М.Н. Топонимика Бурятии. История, система и происхождение географических названий. Улан-Удэ, 1969.
- Рассадин В.И. Сложение группы непроезженных субстантивов в бурятском языке // История развития бурятского языка. Улан-Удэ, 2006. С. 3–16.
- СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 2001.
- ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975. Т. I.
- ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1977. Т. II.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964–1973. Т. II. М., 1971.
- ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б» / Авт. сл. статей Э.В. Севортян. М., 1978.
- ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на «Ж», «Ж», «Й» / Авт. сл. статей Э.В. Севортян, Л.С. Левитская. М., 1989.
- ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К», «Қ» / Авт. сл. статей Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадина. М., 1997.
- Poppe N.N. On some suffixes of plant names in Mongolian // Zentralasiatische Studien 15. Sonderdruck, 1981. P. 383–390.
- Starostin S., Dybo A., Mudrak O. (with assistance of Ilya Gruntov and Vladimir Glumov). Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Part I [A–K]. Part II [L–Z]. Part III [Indices]. Leiden; Boston, 2003.